

18+

Наталья Рай

Баба Мотя

идёт по следу

Наталия Рай

**Баба Мотя идёт по следу.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Рай Н.

Баба Мотя идёт по следу. Сборник рассказов / Н. Рай —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989772-5

Есть люди, считающие, что преступления происходят где-то и с кем-то, а их никогда не коснутся. Есть другие люди, уверенные, что нет умных преступников, а есть очень жестокие люди, которые пытаются решить свои проблемы за счёт других. Преступнику важно получить нечто, чем, он считает, вправе обладать именно он. А не те, кто в данную минуту этим пользуется. Но есть люди, которые считают, что преступников надо останавливать. Раз и навсегда. И вразумлять сроками в местах не столь отдалённых.

ISBN 978-5-44-989772-5

© Рай Н.

© Издательские решения

Содержание

Пепел зависти	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Закон бумеранга	22
Глава 1	22
Глава 2	24
Глава 3	26
Глава 4	28
Глава 5	30
Глава 6	32
Глава 7	34
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Баба Мотя идёт по следу

Сборник рассказов

Наталья Рай

© Наталья Рай, 2020

ISBN 978-5-4498-9772-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пепел зависти

Глава 1

Мила была красивой. Прямо с пелёнок на неё засматривались и восхищённо щёлкали языками.

Но это была меньшая беда.

Куда хуже было то, что она была «манкой». На неё, как на Курскую аномалию абсолютно все железки, слеталось всё население мужского пола, невзирая на возраст (от только вчера начавших ходить младенцев до глубоких стариков с кондовой подагрой), внешние и прочие данные, наличие семейных уз и прочая и прочая. Со временем ей стало казаться, что мир переполнен мужчинами, охваченными похотью. Причём настолько, что все прочие органы и ощущения, вроде чувства самосохранения, отключаются начисто.

Поначалу её защищал брат, старше её тремя годами и ходивший в ту же школу. Потом, получив аттестат, брат приставил к ней своего друга, спеца по самбо, который устлал не внимающими предупреждениям мужскими телами всю округу. Если иного способа очистить Миле путь не оставалось.

Друг, Костя, каким-то чудом оказался исключением (или обладал поразительной силой воли) и ни разу к Миле не пристал. Он столько раз внушал окружающим, что по отношению к Миле любое действие должно начинаться отрицанием: НЕ дарить, предлагать, звать, звонить, подносить, приглашать... Но двуногие в брюках были словно гонимы амоком и разумные речи на слух не воспринимали.

Потом Мила, вместе с Костей, поступила в Бауманку на программирование. Она училась хорошо и все предметы воспринимала легко. А математику вообще обожала.

Тут Косте первое время пришлось нелегко. И хотя прямо на первой же встрече с однокурсниками – а девочек, вместе с Людмилой, на курсе было всего три – Костя чётко и подробно объяснил, что будет с тем, кто к Миле начнёт приставать. Тут же, конечно, нашёлся самоуверенный нахал, который попробовал доказать Костину неправоту. И потом неделю хромал.

В общем, Костя делал всё, что мог.

Почему Мила выбрала именно эту профессию? А она предполагает работу в одиночку. Нет, коллективные работы тоже бывают, но работает программист всегда один. В том числе и на удалёнке. То есть дома. Это было бы идеально! Осталось отучиться пять лет и остаться при этом в живых.

Обложенная стремящимися к ней особями мужского пола, Мила научилась делать вид, что ничего особенного не происходит, все заняты своими делами и на неё не обращают ровно никакого внимания. Полное невнимание к тому, что её окружает, она изображала просто идеально. Естественно, подруги (то есть другие девушки в классе, в группе, в доме, во дворе), если их так можно назвать при полном отсутствии интереса к общению со стороны Милы, ей люто завидовали. Хотя, будь её воля, она бы отправила всех мужчин (а ещё лучше – сама бы отправилась) на необитаемый остров.

Но людям ничего не докажешь – можно даже не начинать! У каждого своё, непререкаемое мнение, являющееся истиной в последней инстанции!

Мила и не собиралась доказывать. Брат как-то привёл ей искусственного гримёра и она научилась превращать своё лицо в самое заурядное, из тех, на которых будешь полдня смотреть, а завтра не сможешь описать. Это, конечно, не блокировало манкости, но мужчины, издали ревво устремлявшиеся к Миле, останавливались в изумлении, глазам своим не веря: не может быть, чтобы эта серая мышь была столь притягательной! Костина жизнь значительно измени-

лась в лучшую сторону и он был, безусловно, очень рад, что приглядывание за Милой стало сильно легче и проще.

Но рискнуть выйти куда-то одной Мила всё ещё была не в состоянии. Мало ли что? За годы преследований в ней выработался практически непобедимый страх. Перед женской частью населения тоже. Мила абсолютно точно знала, что они ей завидуют и оттого ненавидят. Каждая из них явно восклицала в ярости: «И что они в ней находят?!» А как объяснишь – что?

Подруга, тем не менее, у Милы завелась. Так заводится дождь осенью. Принимаешь, поскольку изменить невозможно и противостоять можно только зонтом.

Эмма жила на той же площадке и видела Милу с пелёнок. Поэтому, когда вместо Милы, из квартиры вышла какая-то неизвестная девушка, она ужасно заинтересовалась. И как любая уважающая себя дама постановила выяснить, что происходит.

У людей с правами соседей есть привилегия позвонить в дверь и попросить соли, спичек и прочих необходимых в хозяйстве вещей. Так Эмма проникла к соседям и у простодушной и доверчивой матери Милы без труда выяснила, кого видела. Это было очень интересно!

Дело в том, что Эмма считала себя великой красавицей, однако нашествия мужчин что-то не наблюдалось. Нет, за ней ухаживали, с несколькими она встречалась по паре-тройке месяцев. Но все ухаживания заканчивались в тот миг, когда им на глаза попадалась Мила. Полный крах! А потому Эмма должна была понять ту странную тайну, из-за которой все стремились к Миле. И перехватить её, эту тайну, присвоить, стать такой же. Друзья же должны делиться?

Эмма очень хотела замуж – в её двадцать три одноклассницы и подружки выскакивали замуж, как из пушки. А Эмма никак не могла дождаться, когда ей сделают предложение руки и сердца. Нет, она не ждала принца на белом коне, она просто хотела выйти замуж, как все. И спокойно жить. А как можно спокойно жить, если рядом обитает Мила? Как укрыть от неё кавалера?

Мила, кстати, о замужестве даже мысли не допускала. Правда, ей было только двадцать, но при мысли о мужчине, который вторгнется в её личное пространство, у неё просто дыхание от ужаса останавливалось. Умом она понимала, что это должно когда-нибудь случиться, но мысль об этом была для неё кошмаром.

Испробовав около двадцати вариантов завести ухажёра, Эмма поняла, что даже стомиллионная такая попытка обречена. Пока в не просто этом доме, а в этом городе и стране существует Мила, единственным безопасным кандидатом в мужья может быть только старший брат самой Милы. Правда, разница в возрасте между ним и Эммой составляла всего чуть более полугодика, но выбора не было. И Эмма взялась обхаживать Илью, донельзя удивлённого таким вниманием. Тем более, что у него была девушка, на которой он хотел вскорости жениться, уже была. Но Эмму это не остановило: он ведь пока холостой, не правда ли?

Глава 2

Дом, в котором жила Мила, был выстроен десятилетий шесть назад. А потому был небольшим, на три всего подъезда и в четыре всего этажа. Зато потолки были высотой больше трёх метров, лестничные пролёты – высокими, окна – довольно узкими и деревянными. Хотя их, как, впрочем, следовало бы заменить на современные, пусть и тоже деревянные, а балки перекрытия – на бетонные. Но жильцы как-то этим не озабочивались, а жили в привычных условиях, лишь время от времени делая санитарные ремонты и следя за чистотой.

То ли высота дома – а Мила жила на самом верхнем этаже – то ли крепкая память о возможностях самбиста Кости, то ли ещё какие-то причины тому были виной, но на дерево, растущее под окном, не взбирались ни разу. Впрочем, окно её всегда было закрыто непрозрачной занавеской, так что труды были бы совершенно напрасными. А на балкон Мила не выходила никогда. Да и вообще была человеком замкнутым и необщительным до крайности.

Поэтому план Эммы, простой, как палка, по изменению статуса Ильи с холостяка на женатого, именно на эту замкнутость Милы и наткнулся. Эмма думала, что, став подружкой Милы, она получит право беспрепятственно сколько угодно раз в день бывать в квартире соседей. А находясь в квартире, она уж сумеет Илью очаровать. И такой облом! Мила не желала заводить подруг. Вообще никого! Все старания Эммы привели только к настоуженности и опасениям.

Так, план придётся менять! Если Мила не желает быть подружкой, придётся подружиться их мамам. А то и отцам. И не суть, что они тут двадцать лет на одной площадке живут без особенной дружбы. Теперь им придётся выполнить новый план!

И они подружились, а куда им деваться: Эмма всегда была девушкой решительной и настойчивой.

Мила, сном духом не ведая, какие коварства умышлены против её брата, продолжала спокойно учиться и с полным успехом перешла на второй курс. И вот тут начались проблемы.

Один из предметов читал старикашка (с точки зрения Милы, конечно) лет сорока пяти. Увидев Милу, он буквально слетел с катушек. И хотя Костя подошёл и поговорил с ним, преподаватель от самбиста отмахнулся, как от назойливой мухи.

Костя, не долго думая, отправился к декану и обрисовал ситуацию.

– Понимаете, если вы не уберёте этого господина с нашего курса, я ему просто ноги переломаю. А Мила ему не достанется никогда. Её уже и так замучили до полусмерти преследованиями. Так ещё и тут чтобы это повторилось!

– А может, ей академку взять?

– Тогда и мне придётся брать. Я её без защиты оставить не могу. И потом – где гарантия, что когда она опять вернётся на второй курс, этого... – Костя замялся и пропустил слово, – опять не окажется в числе преподавателей?

Декан задумался. Так ничего и не решив, он отправил Костю с предложением зайти завтра, он что-нибудь придумает.

Вызванный в кабинет, преподаватель сначала отнекивался, а потом сознался, что ничего с собой сделать не может. Вплоть до того, что прямо завтра готов развестись и жениться на Миле.

– Давайте так. Я устрою вам перевод в МГУ. Вы можете отказаться. Но я вынужден предупредить: Костя – мастер спорта по самбо. Ни одного поражения! Представляете, в какую отбивную он вас превратит, если вы хоть раз побеспокоите его подопечную?

Преподаватель побледнел:

– Но я действительно не могу...

– Это ваши проблемы. Или перевод, или больница на долгий срок. Выбирайте!

Пришлось согласиться на перевод. Может, и правда, если он Милу видеть не будет, то вернётся в норму?

Миле было позволено несколько дней пропустить и учиться дома. Пока перевод не состоится. А когда состоится, она сможет вернуться к занятиям. А пока пусть занимается дома. Костя поможет.

Эмма, заметив, что Мила вообще перестала из дома выходить, снова попыталась с ней подружиться, но опять ничего не получилось: Мила просто не выходила из комнаты, когда в доме были посторонние. Она не понимала, что Эмме от неё нужно, но была уверена, что добром это не кончится. Ещё в школе усвоила – нет ничего хуже зависти. И это не лечится, а бед можно ждать каких угодно.

Соседи, тем не менее, стали сближаться. За исключением Милы, увы. Чем чаще соседи заходили в дом, тем основательнее становилось затворничество дочери. Отец, в конце концов, обратил на это внимание и резко пресёк так нужные Эмме отношения. Да что ж такое! Вот же невезение!

Назавтра Эмма подкараулила несостоявшуюся подружку прямо на площадке и спросила без обиняков:

– Ну, и почему ты не хочешь со мной дружить?

– Я ни с кем не хочу дружить. На всю жизнь дружбы наелась ещё в школе: с девчонками дружить – обеспечить себе зависть и сплетни, с парнями дружить невозможно тем более – обвинения в распущенности и риск оказаться жертвой изнасилования. Ни того, ни другого мне не надо.

– В институте тоже ни с кем не дружишь?

– Тоже. Вообще ни с кем. И не собираюсь!

– И с Костей не дружишь?

– Нет. Его нанял мой брат для того, чтобы он меня защищал. И он делает это отлично. Но это не дружба. Между нами нет никаких личных отношений. И не будет.

– А с кем будут?

– Ни с кем. Никаких ни с кем отношений не будет. Я сыта человечеством до рвоты. Так что извини!

Глава 3

Звонок в дверь был таким требовательным, что мама Людмилы не пошла, побежала открывать, предчувствуя, что не с добром кто-то пожаловал.

– Лейтенант Муромцев, убойный отдел. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Мать отступила в шоке, тем самым приглашая лейтенанта войти. Он и вошёл.

– Дочь ваша Людмила дома?

Мать кивнула:

– Она уже несколько дней дома. Её отпустили с занятий, она и дома. Никуда вообще не выходит.

– Почему? Болеет?

– Нет, занимается. Она в Бауманке учится, там сложные предметы надо изучать.

– А почему в институт не ходит, если здорова?

– Так отпустили же!

– Я могу с ней поговорить?

– Сейчас спрошу.

Мать постучала в дверь комнаты Людмилы и услышала:

– Входи. Кто пришёл?

– Я пришёл, – опять представился лейтенант.

– Убойный отдел? Кого-то убили?

– Убили. Вашего преподавателя.

– Кого именно?

– Пьянкова Владислава Петровича. Знаете его?

Это был тот самый старикашка, который буквально разума лишился, увидев Людмилу.

– Знаю.

– И какие у вас были отношения?

– Плохие. Конфликтные.

– Вот как? А причина конфликта?

– Он захотел сделать меня своей любовницей, а я отказалась.

– Почему именно вас?

– Уж такая у меня планида – всем поперёк горла встаю.

– И чем закончился конфликт?

– Декан отпустил меня домой и позволил заниматься самой, не посещать институт, пока он ситуацию не разрешит.

– И вы эти дни никуда не выходили?

– Никуда.

– Вообще никуда? Даже погулять?

– Никуда.

– Кто может это подтвердить?

– Я могу, – включилась в разговор мать. – Я постоянно дома и точно знаю, что она всё время не покидала квартиры.

– А вы сами тоже не покидали?

– Тоже. Я на больничном – ноги у меня больные, так что куда мне ходить, по дому еле ползаю.

– А продукты?

– Муж приносит. Или старший сын.

– А где они оба?

– Муж на работе, будет около семи, сын учится, придёт часа в четыре. Или около того.

– И каждый день они так приходят?

– Каждый.

Лейтенант даже на часы смотреть не стал, и так знал, что сейчас около одиннадцати утра. Придётся зайти ещё раз вечером.

– И вчера вечером вы все четверо были дома?

– Да. И ещё Костя был в гостях – он Людмиле конспекты занятий приносит и объясняет, что сегодня рассказывали на лекциях.

– И до которого часа он был?

– Допоздна. В начале двенадцатого ушёл.

– А пришёл?

– Около пяти. – отвечала снова мать. – Я его покормила, а потом он занимался с Милой. И ушёл поздно.

– А как он домой добирался в такое время?

– А что ему добираться-то – он в соседнем доме живёт.

– Интересно... – протянул лейтенант. – Так если вы все пятеро ни при чём, так кто тогда убил Пьянкова?

Мила с матерью только плечами пожали. Старикашка был хотя и несколько безумен, но ведь не настолько, чтобы его убивать!

– Мы его не убивали.

– Но вы ведь даже не знаете, когда это случилось!

– Так вы ведь всё про вечер спрашиваете. Вот и получается, что вечером.

Лейтенант присвистнул – у девушки явно были рабочие мозги.

– А если бы я про утро спрашивал, вы бы решили, что утром? Или нет?

– Решила бы.

– А вам не интересно, как именно его убили?

– Нет. Всё равно жаль – он был умным человеком. Хотя и поддался страсти. Но лекции читал отлично.

– А хотите расскажу, как и где его убили?

Обе отрицательно покачали головами: только этого не хватало! И так жизнь не сахар!

– Ну, я всё-таки скажу, где. На парковке возле института. Кто-то был в его автомобиле к тому моменту, когда Пьянков решил ехать домой. Это было уже довольно поздно, почти в девять вечера. Но кто это был – неизвестно.

– Почему именно в автомобиле?

– Именно в нём Пьянкова и убили.

Мила поёжилась от ужаса – даже представлять мертвеца не хотелось, а уж вникать в подробности убийства – тем более.

– Ну ладно, я тогда ещё вечером зайду, с мужчинами вашими поговорить. Вдруг они что-то знают и расскажут.

– А это – пожалуйста.

Лейтенант откозырял и ушёл, оставив обеих в полной растерянности и весьма сильном ужасе: почему именно к ним наведалься полицейский из убойного? Подозревают их? Собираются обвинить?

Кому вообще понадобилось убивать Пьянкова? Преподаватель он был очень хороший, а что ему мозги затуманило – так он не единственный такой в этом городе. За это не убивают!

Глава 4

Лейтенант Муромцев пребывал в сильно озадаченном состоянии, раздумывая над тем, кому понадобилось убивать преподавателя, зачем и при этом – таким редкостным способом.

Во-первых, применили двойной метод: чтобы наверняка. Сначала его оглушили шоке-ром, причём явно со стороны водителя подошли. И он опустил стекло – а это означает, что ничего дурного от подошедшего (или подошедшей) явно не ожидал. Значит, это или знакомый человек был или настолько с виду безобидный, что Пьянков не встревожился, а доверился.

А уж когда водитель был оглушен, причём шокер ударил дважды: сначала в шею, а вто-рой – как раз напротив сердца, убийца преспокойно сел на пассажирское сидение и сделал странный укол – пустым шприцом. То есть вогнал Пьянкову в вену воздушный пузырь. И когда этот пузырь дошёл до сердца, то полностью перекрыл доступ крови к нему. Готово.

Во-вторых, почему выбран именно такой неординарный способ? Намёк, что убивал некто, приближенный к медицине? Или к охранным структурам? Или одновременно к меди-цине и охране?

В-третьих, и шприц, и шокер вполне могли как выбросить в разные мусорные контей-неры, бросить в реку, закопать в любой строительной яме или же подбросить тому, кого хотят представить убийцей. Ибо сам убийца, если только он в своём уме, не станет хранить у себя орудия убийства. Или станет? Вещи-то – самые обычные и могут быть у каждого. Хотя те же шокеры тоже разные бывают...

У кого могли быть мотивы убить? Именно Пьянкова убить? Человек, в общем-то, без-обидный, биография чиста, как у младенца. Единственный за последнее десятилетие кон-фликт – как раз по поводу знакомства со студенткой Людмилой Степановой.

То есть, это тоже некий намёк на причину, мотив убийства? Намёк, что Степанова и убила? Но, насколько разобрался в этой дикой истории лейтенант, если бы Людмила убивала всех, кто на неё пялился и тянул к ней руки, в Москве пришлось бы открыть новое, причём – весьма обширное, кладбище. Однако, никого из прежних преследователей не убили же? Да, некоторым настучали по частям тела, но они потом отхромали, вылечили синяки и мелкие ушибы – и живут себе. А Пьянкова убили. Кто и зачем? И если не Людмила и не её охранник – то кто? И каков настоящий мотив убийства? Преследование мотивом считать нельзя. Иначе была бы гора трупов. А есть только один.

Заключение экспертизы ничем Муромцеву не помогло. Способ убийства странный, но и только. Кто мог этот способ избрать и использовать – никаких мыслей и предположений!

Старшие коллеги, перетряхнув свою многолетнюю, весьма разнообразную практику, тоже только плечами пожали: опыт – опытом, но и они не семи пядей во лбу. Думать будут, но когда и до чего додумаются – неизвестно.

Ничего лучшего не придумал Муромцев, чем опросить всех более-менее причастных на предмет наличия у них шокеров и шприцов. Хотя это было явно напрасной тратой вре-мени. Хотя – как сказать! При личной встрече с каждым причастным Муромцев надеялся уви-деть какое-то волнение, почувствовать желание что-то скрыть, утаить. Ну, а если такие обна-ружатся, то можно будет и устроить более тщательный, с пристрастием, допрос.

Муромцев ни на что особенно не надеялся, но ведь надо же с чего-то начинать? Тем более, что все прочие как-то незаметно, но чрезвычайно ловко отбрыкнулись от этого дела, явно грозившего оказаться висяком и оно каким-то образом было поручено начинающему оперу Муромцеву. Только-только окончившему академию МВД. То есть с таким мизерным опытом (вернее, с его полным отсутствием), что шансов раскрыть дело не предвиделось. Зато упорства и стремления добиться результатов лейтенанту было не занимать.

И он начал круговой обход причастных к делу. И начал, естественно, с Людмилы, хотя был железно уверен, что убивала не она. Но почему-то был так же твёрдо уверен, что именно с неё и следует начинать.

– Шокер? – Мила удивилась почти до заикания. – Нет, у меня нет. А зачем он мне? У меня Костя есть.

– Охранник то есть?

– Защитник.

– А у защитника шокер есть?

– Не знаю. Не думаю. У него самбо есть. Зачем ему шокер?

– Уколы делать умеете?

Людмила на него буквально вытаращилась:

– А должна?

– Нет. Но люди много чего умеют.

– Не умею. И уколов боюсь. И вида крови не выношу. Вплоть до того, что падаю в обморок.

Расспросы всех остальных тоже дали нулевой результат. Два дня трудов и ничего.

Лейтенант вернулся в отдел и крепко задумался.

Глава 5

Коллеги, которым лейтенант пожаловался на нулевые результаты, посочувствовали, повздыхали над его печальной участью, но ничего путного не подсказали.

Муромцев решил начать второй обход – по всем коллегам убитого, его семье и всем знакомым семьи. Мало ли что – никто не сказал о Пьянкове ничего плохого, но ведь могли просто не придать значения какому-то для них малозначимому эпизоду. А ведь известно, что иногда достаточно с виду безобидного слова, чтобы превратить друга во врага. Не может такого быть, чтобы не было мотива. Раз есть труп, значит есть и тот, кто превратил живого человека в мёртвого. Остаётся найти, кто это был. И каким был мотив.

С виду у Пьянкова никогда ни с кем не было конфликтов. Если не считать случая со Степановой. Но ведь это столь явно, что так и напрашивается вывод: Милу подставили! Кто и зачем? Кто знал об этом случае, кроме студентов и преподавателей? Вряд ли Пьянков рассказал дома, в какую идиотскую ситуацию попал. Но вдруг рассказал? Значит, предстоит ещё раз обойти всех потенциально причастных.

В общем, Муромцев потратил зря ещё три дня. Раскинутая сеть улова не принесла ничего. Даже мусора.

Оставалось только снова поговорить со Степановой. К ней он и отправился на четвёртый день. Дома её не оказалось, была на занятиях. Он решил, что это очень удачная возможность поговорить с матерью. То количество вопросов, которое он задал, могло вывести из равновесия кого угодно, но только не мать Милы, наконец-то получившей возможность в свежие уши напеть дифирамбы своей дочери. Муромцев узнал о Миле абсолютно всё – от её первого, после рождения, до нынешнего дня. Но никаких сведений для разгадки убийства из всех этих рассказов Муромцев так и не выудил.

Вернувшись, от полной безвыходности лейтенант стал на листе бумаги, разделенном по вертикали красной линией, чертить схему: слева Пьянков и вокруг все те, кому хотя бы теоретически можно приписать мотив, справа Мила, окружённая родными, соседями, сокурсниками и т. д. Ибо по ходу составления схемы Муромцева осенила идея: а ведь мотивом могло быть устранение Милы. Если на неё удастся свалить убийство, её посадят, причём надолго. А убийца получит доступ... к чему? Чего так яростно можно хотеть, чтобы выстроить коварную схему и совершить убийство?

Стандартный набор мотивов не такой уж и длинный: деньги и их эквиваленты, иная корысть, любовная страсть, месть, ненависть или чтобы скрыть более раннее преступление. Если оно было, это преступление, то каким оно должно быть?

Плясать придётся, опять же, от Милы. Кому и на какую мозоль она наступила так сильно, что вокруг неё завертелись такие события? Ведь она всю жизнь обложена до такой степени, что сторонится людей и постоянно скрывается за спиной охранника. В контакты вступает только вынужденно: например, с преподавателями. С соседями только здоровается, но никогда ни о чём не разговаривает. Друзей и подруг нет. Ни один человек ею не признан в статусе друга. И никто себя другом Милы не считает.

Никакими ценностями, включая деньги, ни сама Степанова, ни вся её родня не обладают. У них даже дачи нет. Автомобиль, правда, есть, но эконом-класса, и тот в рассрочку куплен. Хотя, в принципе, не бедствуют.

Ненависть – мотив очень возможный, как и прочие эмоции, вроде ревности, но с учётом полного отсутствия контактов обнаружить противника будет непросто.

Кто-то так в неё влюбился, что, как Пьянков, лишился ума и рассудка? Но зачем тогда добиваться для Степановой тюремного срока? С глаз долой – из сердца вон? Если так, то преступник ни совестью, ни порядочностью не страдает совершенно.

Какая корысть толкнула кого-то на убийство практически невинного человека, главной и единственной страстью которого была наука?

Глава 6

После очередного круга обходов Муромцев понял, что всё крутится вокруг Милы Степановой. А это означает, что убийца с ней как-то связан. И вряд ли убитый обладал чем-то или знал что-то, из-за чего его могли бы убить. Нет, лейтенант настолько тщательно продумывал вопросы, что скрыть от него вряд ли что могли.

Значит, дело не в самом Пьянкове – он только та фигура, с помощью которой кто-то разыграл свою хитрую партию.

Вывод: убийца должен был знать о той ситуации, которая случилась в отношениях студентки и преподавателя.

Придётся ещё раз опросить всех сокурсников и преподавателей. Мало ли кому могли наступить на большую мозоль первая и второй. Муромцев предполагал, что все эти повторные опросы ничего не дадут, но пропустить никого не мог. Результат, увы, снова был равен нулю.

Оставалось идти опять к Степановым. Лейтенант и пошёл. Но не удалось придумать новые вопросы и потому он, подойдя к дому, сел на лавочке у подъезда и решил поразмыслить, о чём стоит спрашивать снова Милу и каждого из семьи и о чём он вообще ещё не спрашивал.

Через буквально мгновение рядом оказалась баба Мотя. Это была как раз та бабка, которая знает всегда всё обо всех и обо всём. Она уже давно, с первого ещё прихода, замечала Муромцева и была уверена, что он из полиции, хотя он всегда ходил в обычной одежде. Но у бабы Моти глаз был наметанный настолько, что она, при первом взгляде на человека, могла рассказать минимум половину его биографии. Без имён и дат, конечно, но суть ухватывала безошибочно. Так что с лейтенантом тоже не ошиблась.

– Ты в каком звании, – спросила она?

– Лейтенант, – автоматически ответил задумавшийся Муромцев. И только потом осознал, что ответил. И посмотрел, кто же это такой умный рядом возник.

– А я баба Мотя, живу я тут, прямо в этом доме. Помощь не требуется? Подозреваю, что требуется – ты сюда уже в который раз пожаловал!

Лейтенант даже не удивился – несмотря на куцый опыт, он уже встречался с несколькими такими бабками, которые всегда оказывались ценнейшим источником информации. Если, конечно, умело направлять их нескончаемые разговоры.

Баба Мотя, для чужих Матильда Сигизмундовна, знала всех жильцов двенадцати квартир своего подъезда так хорошо, словно они были членами её семьи. Причём знала о каждом намного больше, чем они сами о себе знали.

Посему начала она описывать всех, начиная с нижних квартир. И делала это весьма профессионально: как выглядит, сколько лет, какие у кого с кем отношения, чем занимается в данное время и как себя ведёт вообще и в частности.

Муромцев терпеливо дождался, пока баба Мотя доберётся в своей аналитике до Степановых. Дождался.

– Хорошая семья, спокойная. Чтобы пьянки-скандалы – никогда. Работящие, воспитанные.

Далее последовал подробный разбор всей семьи, начиная с отца и заканчивая Милой. Её баба Мотя очень жалела:

– Бедная девочка, ведь она же не виновата, что получила при рождении такую манкость. Но страдает от этого прямо с детского сада: чтобы за ней не увязался кто-нибудь, а то и несколько совсем безбашенных, я такого и не упомяну за все двадцать лет. Слава Богу ещё, что брат у неё есть, а теперь вот Константин, братьев друг, защищает её. Не они бы, так ей бы домой не дойти: насиливали бы прямо на площади.

– Это почему так?

– Ты её не видел, что ли?

– Видел. Но ничего такого она во мне не вызвала.

– Это ты нормальный, значит. Или хорошо собой управляешь. А каждые девяносто девять из ста этого не умеют.

– Да нет, просто обычная девчонка, даже не особо красивая.

Тут баба Мотя на Муромцева просто-таки вытаращилась: это если уж Мила не красивая, то кто тогда красивый?

Она так и спросила!

– Да нет, она симпатичная, конечно, но я и красивее видел однажды. Так-то вот.

Баба Мотя уважительно промолчала: это где же лейтенант живёт и бывает, что видел кого-то красивее Милы?

– А манкости её не чувствуешь?

– Чего?!!

– Ты слова такого, что ли, не слышал?

– Слышал. Но не понимаю, что оно означает.

– А то и означает, что каждый встречный-поперечный хочет манкую девушку заполучить в личное пользование. Причём немедленно и надолго.

Муромцев только плечами пожал.

– Ну что, помогла я тебе, лейтенант?

– Не знаю пока. Мне всё это надо обдумать.

– Думай-думай. А я тут всегда, если что. А когда дождь или прочие осадки, то в третью квартиру звони, дома буду.

Глава 7

Тщательно обдумав всё, что ему рассказала баба Мотя, Муромцев утвердился в решении, что Милу осознанно кто-то подставил. Если бы он принял на веру все те словеса, которые волей или неволей наводили следователя на мысль, что убила она, её бы посадили минимум на несколько лет. Исчезнув из жизни дома и института, она бы перестала мешать убийце получить то, что он так стремился получить. Так получению чего так мешала Мила? И – кому?

Понять, что было вожаделенной добычей для убийцы, Муромцев никак не мог. Никакими богатствами она не владела, наследства ей никто не оставлял, научных или государственных тайн она не знала, никому, вроде бы. На дороге никому не стояла. Если не сказать больше – она старательно укрывалась от людей. А при вынужденном с ними общении ни разу ни с кем не просто в конфликт, в обычные разговоры не вступала. Отношения поддерживала только с собственной семьёй, особенно если включить в её состав и Константина.

Получается, что подставил её кто-то либо с маниакальными наклонностями, либо пылающий страстью к самой Миле. И поступивший прямо по присказке: «так не доставайся же ты никому»! Но во втором случае более логичным было бы убить саму Милу. А убили Пьянкова. Значит, хотели получить доступ либо в семью, либо к кому-то из неё. А пока жизнь этого дома вся выстроена вокруг Милы, закрепиться в семье кому-то новому не получается.

Тогда кто может быть целью? Не отец и не мать – люди более, чем среднего возраста, вряд ли к ним кто-то мог воспылать неземной страстью. Остаётся старший брат Милы, которого давно следовало проверить на наличие любовных связей.

– А что, Матильда Сигизмундовна, есть ли у брата Милы девушка? По возрасту ему и жениться вроде пора.

– Для тебя я – баба Мотя, запомни. А девушки нет. И не было никогда. Хотя он несколько раз ходит на свидания, но редко отношения эти длились хотя бы несколько месяцев. А всё потому, что вечно он Милой занят, потому что если её не охранять, так вскоре хоронить придётся. А он ещё и институт закончил, работает, так что Костя его в этом смысле прямо спасает.

– А у Кости тоже девушки нет?

– Откуда? Тот тоже занят вечно: то учёбой, то тренировками, то Милу охраняет...

– А он эту пресловутую манкость не воспринимает?

– Нет. Таких вас, кто не воспринимает, можно по пальцам пересчитать. Ну, родные – это само собой, но из молодых парней – только вы двое и ведёте себя нормально. Всё понять пытаюсь, как вам это удаётся, и не понимаю.

– Да занят я. И девушка у меня есть. И не в моём она вкусе.

Баба Мотя даже руками всплеснула: чудо чудное, диво дивное – такая красавица, и не в его вкусе!

– Как думаете, баба Мотя, может такое быть, чтобы кто-то хотел Милу подставить? Убила точно не она, но все подозрения на неё. Фактов нет, доказательств никаких, одни подозрения, но всё на неё указывают. Но если не она, то кто? Что убийцу влечёт в семью Степановых? Я все извилины расплёл, а мотива убийства найти не могу. Но ведь этот мотив есть, коли преступление совершено!

Баба Мотя задумалась и выдала, самой себе удивляясь:

– Там только один человек может кого-то интересоваться: брат. Может, кто-то за него замуж очень хочет?

– Это мотив? Чтобы выйти замуж, надо кого-то убить?

– Эмма очень хотела с Милой подружиться, но не вышло. Потом вроде бы семьями дружить начали, но не долго эта дружба прожила. Как-то незаметно на нет сошла. Потому что Степановы принимали, но сами в гости к соседям никогда и ни за чем. Так, разве только сил-

ком затащат. А уж Мила так и вовсе никогда и ни к кому. Поэтому Степановы нигде в гостях долго и не засиживались: отсидят, сколько приличия требуют, и быстрее домой. А то дочка одна осталась.

– Так не маленькая уже!

– Зато манкая.

– Ну и кто может так хотеть за брата замуж, что даже на преступление решился?

– Даже не знаю, – баба Мотя задумалась и через время безапелляционно изрекла:

– Кроме Эммы – некому.

Муромцев ужасно удивился: опыт у него, конечно, мизерный, но чтобы из-за такого желания убивать?

Поднялся, тем не менее, в квартиру и вручил Эмме повестку: завтра явиться к десяти утра.

Глава 8

Муромцев Эмму ждал напрасно: она не появилась. Он позвонил ей, но она не ответила. Мобильный был выключен.

Ничего не оставалось, как поехать по адресу. Баба Мотя, как знала, что лейтенант появится, ожидала его на скамейке.

– И, милоч, опоздал ты. Эмма ещё вчера куда-то уехала.

– Как уехала?

– Как уезжают, с чемоданом. На такси.

– А куда?

– А она никому не сказала.

– Ни за что не поверю, что вы этого не знаете.

– А мне зачем? Иди к ней домой, там спрашивай.

Дверь, как и следовало ожидать, никто не открыл.

Вернувшись к бабе Моте, Муромцев спросил:

– А родители её где?

– Должны быть, если не на работе. Только они сами ничего не знают. Или не хотят говорить. Я спрашивала.

Всё интереснее и интереснее!

– А фото её у вас, случайно, нет?

– Случайно есть. А зачем тебе.

– В розыск подам.

Муромцев выполнил своё обещание прямо немедленно, вернувшись в отдел. И если Эмма передвигалась на общественном транспорте, автобусе, например, то её должны были выловить очень скоро. Но это не отменяло необходимости проверить всех её родственников и знакомых – вдруг она никуда не уехала, а просто намерена пожить у кого-то из них?

Начальник отдела, когда Муромцев выложил ему свои соображения по поводу необходимости розыска Эммы, даже возражать не стал, а нажал, как говорится, на нужные кнопки. И тут же вернулся к разговору с лейтенантом.

– Мотив для убийства, конечно, довольно странный, но количество психов в стране зашкаливает. Я уже давно ничему не удивляюсь! Говоришь, самая живая версия, что она замуж за брата Милы захотела, а пока Мила на месте – не выдать ей брата, как своих ушей? Вполне возможно. Только где её теперь искать, как думаешь?

– Вполне допускаю, что она может где-то в городе остаться. Специально уехала с чемоданом, чтобы мы её по всей стране искали, а она у нас под носом спрячется. Осталось выяснить, у кого.

– Это тоже вполне реально. Списки людей, у кого она могла найти приют, имеются?

– Не полные. Но я этим займусь прямо сейчас.

– Сам будешь по адресам ездить?

– Одному мне на это неделя понадобится.

– Ладно, давай полные списки, участковых подключим.

Часа не прошло, как на стол начальнику лёг максимально полный список. Не такой уж большой. Но начинать следовало с, так сказать, конца: с тех, кто был не настолько близок, чтобы на него можно было подумать в первую очередь. Но и с людьми, которые располагались во главе списка, тоже проверки откладывать не стали.

Три дня поисков не привели ни к чему.

«Где же она может быть?» – список исчерпан, проверки на всех дорогах идут полным ходом, а Эмма как в воду канула. Домашний и мобильный на прослушке, а от Эммы – никаких сигналов.

«Значит, надо искать там, где её априори искать не станут. А где не станут? Например, в хостеле. Их в городе тьмы, так что переезжать можно хоть каждый день. Но транспорт проверяется. Значит, она изменила облик».

Начальник согласился, что проверять надо всех тех, у кого нет документов. Единственный точный параметр – рост. В девушке – 165 сантиметров, так что максимальное увеличение (высокие каблукы) – десять сантиметров. Изменить внешность она могла, но вряд ли у неё были запасные документы.

На всякий случай Муромцев решил навестить бабу Мотю: не замечено ли чего странного?

– Так мать Эмкина кажин божий день на кладбище повадилась. У них там бабка похоронена, да, но раньше ничего подобного не замечалось. Ходили дважды в год – в день смерти да на Пасху. А чтобы каждый день?!!

– А какое кладбище?

– Так Хованское же!

Пробили звонки матери Эммы – действительно, вечером, в день «отъезда» дочери она звонила сторожу кладбища.

Увидев сразу двух полицейских, сторож слегка струхнул.

– Где Эмма?

– Там.

Бытовка сторожа стояла практически рядом с воротами, так что сделать было надо всего несколько шагов.

– Ну что, гражданка, вы задержаны по подозрению в убийстве! Руки! – и Муромцев защелкнул «браслеты».

Закон бумеранга

Глава 1

Сходить в ближний гипермаркет баба Мотя – в миру Матильда Сигизмундовна – вознамерилась ещё с вечера. Каждый раз ей становилось смешно, что напрямки, дворами, туда было пять-семь минут медленного ходу, а если добираться на трамвае – то ехать пришлось бы минут пятнадцать-двадцать. Уж больно причудливо петлял маршрут.

Вышла она так, чтобы оказаться у двери гипермаркета прямо в момент открытия – в шесть утра. Вышла с запасом, без пятнадцати шесть, чтобы не торопиться и ещё раз обдумать список покупок.

Но внезапно обо что-то споткнулась. Этим чем-то оказался труп молодого мужчины. Баба Мотя ужасно удивилась – она знала всю округу если не поименно, то по внешнему виду. Этого видела впервые. И чего его занесло-то сюда?

Мобильник у бабы Моти был с собой и она тут же позвонила Муромцеву. Лейтенант не так давно выяснил, кто убил профессора Бауманки, и баба Мотя ему немало в этом расследовании помогла.

«Накрылся мой магазин», – насмешливо подумала баба Мотя, – «всё расхватают, пока я туда попаду. Если вообще попаду».

Следственная бригада, в составе которой был и Муромцев, прибыла на удивление быстро – минут через десять. Бабу Мотю тут же взяли в оборот.

– Да в магазин я шла. В гипермаркет. Там акция, много товаров по дешёвке. Вот я и торопилась к открытию. А тут он. Ногу прямо на тропинку выставил, я и споткнулась. И он чужой – не из нашего микрорайона, я тут всех знаю. Этого первый раз вижу.

– Но, может, он в гости к кому-то приходил?

– Если и приходил, то или в первый раз был, или вовсе не дошёл! А скорее всего – хотел дорогу сократить до метро. Показали ему, как быстрее дойти, вот он и потопал. А откуда – не ведаю. Тут сто дорог и он мог идти откуда угодно. А только я его первый раз тут вижу. И последний!

– Что последний, это точно!

Эксперт, обследовавший труп на внешние повреждения, был сильно удивлён: вообще никаких следов.

– То ли инфаркт, то ли другая неожиданная причина, но его явно не били. Отравлен, возможно.

– Что, вообще никаких травм?

– По первому осмотру – никаких. Точнее скажу после детального осмотра. Так что если вы всё записали, мы можем его увезти?

– Можете.

Похоже, образовался всяк. Никаких данных – чтобы баба Мотя не знала вообще ничего, это было большой редкостью. Да что там редкостью – просто беспрецедентным случаем, какого не помнила история.

С другой стороны, труп ведь не с неба упал. Где-то жил, получал документы, работал, так что поиск никто не отменял. А когда будет выяснено, кто сей гражданин, ныне бездыханный, обнаружатся родственники, сослуживцы, соседи и прочие знакомые. А из них непременно кто-то что-то знает и, следовательно, поделится со следователями.

То, что на трупе не было никаких внешних повреждений, может иметь вполне разумные объяснения. Если даже не отравление, то вполне возможно, что человек чем-то болен и внезапный приступ вполне мог отправить человека к праотцам.

Ничего, эксперты люди многоопытные и непременно выяснят причину смерти. А эту причину непременно объяснят и те сведения, которые будут получены после опросов. В конце концов, всё непременно срастётся и разъяснится. Остаётся работать и расследовать, кто, зачем и почему убил несчастного.

Глава 2

Экспертиза всегда находит причину смерти. Вот и здесь эксперт впал в некий ступор, обнаружив, что смерть, вероятнее всего, наступила от некоего укола прямо в мозг, в точке, где у младенцев есть родничок. Но и у взрослых это самое небезопасное место черепа. Что это было – установить сразу не удалось, но травма от укола была очевидной, хотя и очень маленькой.

Ни в крови, ни в ткани мозга не было никаких следов – что именно вкололи несчастному покойнику, но след от инъекции всё-таки остался. Эксперт был человеком очень азартным, дело своё просто обожал, а потому был уверен, что обнаружит вещество, убившее человека.

Поиск вскоре позволил выяснить его личность.

Степанов Игорь Петрович, полных 29 лет, урождённый москвич, проживал в доме на проезде Соломенной Сторожки, образование высшее, работал инженером. В кругу знакомых так называемая техническая интеллигенция – инженеры, преподаватели, айтишники, архитекторы и так далее. Родители живы, но проживают в другом месте. Братьев-сестёр нет. Друзей двое: один ещё из детства, другой – сокурсник, работающий в одной со Степановым компании.

Были опрошены все, входящие в круг знакомств Степанова, все соседи, родители и жильцы дома, где они жили – знакомство с убийцей могло состояться ещё тогда, когда убитый жил в родительском доме.

Подозрительных было слишком много и реальный убийца вполне мог оказаться в их числе. Но мог и не оказаться. Степанов мог познакомиться с кем-то в дороге – случаев, когда он подвозил попутчиков, было немало, вот только его знакомые ни разу не смогли назвать имён людей, которых Степанов подвозил. Мог познакомиться в очереди в магазине, в транспорте – иногда он пользовался метро и другим общественным транспортом.

Усугубляло дело то, что Игорь Петрович был человеком довольно замкнутым и очень не любил распространяться о своих делах, тем более – личных. О состоянии его дел узнавали или из-за близости (коллеги не могли не знать о достижениях и проблемах Степанова на работе), или совершенно случайно: сплетниц всегда и везде хватало. Но случайных знакомых в его жизни тоже было немало.

Телефон Степанова принёс некоторый улов, но довольно скудный. Не любил убитый телефона: половина номеров оказалась рекламными – то есть исключительно входящими. Сам Степанов звонил всего по нескольким номерам: родителям, друзьям и коллегам. Все, кому он звонил, были допрошены так тщательно, что этой тщательности позавидовали бы и спецслужбы. Однако, все опросы не вывели следователей на кого-то одного, кто мог бы стать главным подозреваемым.

Муромцев, по старой памяти, обратился к бабе Моте с просьбой порасспрашивать всех, проживающих поблизости с местом, где был найден убитый. Баба Мотя уже и сама предприняла это мероприятие: как так, на её, можно сказать, территории убивают человека, а она – ни сном, ни духом! Непорядок!

Так что баба Мотя затевала разговоры не только с жильцами домов, но и со всеми, спешащими по неприметным тропинкам к станции метро или остановкам транспорта. Отказать старушке было затруднительно: у неё был давно продуман метод втягивания человека в нежелательную для него беседу. Что ни говори, а у старости есть свои преимущества: стоит поохать-пожаловаться на внезапное ухудшение здоровья, и сердобольные граждане немедленно вызываются довести до скамейки или даже до дома, вызвать скорую или иные подобные услуги.

А уж коли человек остановился, разговорить его – дело шести секунд. Люди обычно закрываются, когда пытаешься влезть в их личные дела, а если разговор касается того, что чело-

век видел-слышал о других людях, то обычно сведения выкладываются весьма охотно. Особенно если старушка просит поговорить с ней, чтобы отвлечься от боли и прочих неудобств.

Таким макаром баба Мотя установила, что тропинками пользуются не так уж часто: народу проще сесть на транспорт на более насыщенной транспортом параллельной улице и доехать в любую сторону, чем топтать десять минут до метро. Иными словами, этим пользуются только те, кому надо попасть на именно эту ветку. Или те, кому надо попасть в микрорайон бабы Моти. Так к кому шёл в гости молодой погибший?

Глава 3

Баба Мотя настолько озадачилась тем, что не знала об убитом ничего, что решила провести собственное расследование: ведь за что-то человека убили? А она, баба Мотя, непременно узнает, кто и за что.

Она затевала разговоры об убитом не только со всеми жильцами своего микрорайона, но и с каждым проходящим по тропинке, на которой был обнаружен труп. Увы, ничего узнать не удалось. Значит, он действительно просто сокращал дорогу к метро.

Пришлось бабе Моте расширить радиус своих поисков. И, в конце концов, она обнаружила, что парня видели на одной из улиц. Но откуда и куда он шёл, осталось непонятным.

Баба Мотя снова обратилась к Муромцеву, доложив ему о результате своих поисков. Обрадованный Муромцев пообещал выяснить, кто из числа знакомых убитого проживает в этих домах. И буквально минут через двадцать перезвонил и сообщил, что в одном из домов живут его родители, которых он в тот вечер навещал. А ещё, практически рядом, живут несколько его бывших одноклассников, включая двух девушек.

– А остальные одноклассники где живут?

– Да кто где, – охотно ответил Муромцев. – Некоторые здесь же, некоторые переехали в другие города, некоторые – в других районах города, а трое довольно давно живут за границей.

Было над чем подумать бабе Моте. Продиктованные лейтенантом адреса она записала на бумажке, так что осталось теперь только всех обойти и расспросить. Конечно, их уже опросили сыщики, но что не сказали сыщикам, вполне могут рассказать милой старушке.

По ходу поиска баба Мотя обогатила свой круг близких знакомств не менее чем десятком подружек. И пока она топала от одного подъезда до другого, её осенила просто гениальная мысль: создать из этих подружек Добровольное Общество Сыщиков – помощников полиции. И даже попробовать это общество снабдить вполне официальными удостоверениями. Муромцева обрадовать этой новостью она не торопилась: сначала подружек надо проверить в деле: с каждой она договорилась, что как только они что-нибудь узнают, то немедленно известят о том бабу Мотю. Если всё получится, то у бабы Моти появится отличное занятие. А то носками и варежками она обвязала уже не только ближнюю и дальнюю родню, но и всех жильцов окрестных домов. И планировала уже работать для детских домов и прочих приютов.

Баба Мотя выяснила такие тонкости биографии всех фигурантов дела, о которых, вполне возможно, фигуранты и сами не подозревали. Добралась баба Мотя даже до детства и юности этих фигурантов. И, в числе прочего, она узнала, что в последнем классе за Игоря велось настоящее сражение: три десятиклассницы из параллельных классов вели за его внимание самую настоящую, временами переходящую в кровопролитие, войну. Сегодня три эти юные дамы обрели своё счастье как в карьере: одна стала ведущим менеджером крупного холдинга, другая – владелицей турагентства, третья преподавала математику в престижном вузе, так и в личной жизни: все три были замужем, две – с одним, третья даже с двумя детишками. С Игорем, похоже, виделись только на ежегодных встречах одноклассников. Но этот факт требовал дополнительного расследования. И баба Мотя была намерена этим заняться вплотную.

Немало внимания потребовали и сокурсники Игоря Петровича: некоторые из них были его достаточно близкими друзьями, проводили с ним довольно много времени и вполне могли быть участниками каких-то конфликтов.

Тут баба Мотя решила, что несколько подустала, да и новых подружек нужно проверить. Так что каждая получила от бабы Моти конкретный объект для проверки: с адресами, основными данными и требованием не обращать на себя внимания, но при этом добыть все суще-

ствующие сведения. А также всё то, что об объекте расспросов думают те, с кем подружки бабы Моти в данное время беседуют.

«Давно пора было организовать общество и не самой бегать с расспросами, а руководить другими. А уж если что-то любопытное обнаружится, тогда можно и самой поработать».

Так что осталось доложить Муромцеву о результатах и дожидаться сообщений от потенциальных участников будущего ДОСа.

Глава 4

Муромцев не поленился приехать и обсудить с бабой Мотей список подозреваемых. В этом списке были: сосед родителей, временами впадавший в запои, чем родителям сильно досаждал и был за то бит Игорем Петровичем. Итак – Василий Серафимов, номер первый. Номера два, три и четыре – три девицы, бывшие одноклассницы, учинившие жестокое соревнование за внимание Игоря Петровича, тогда просто Игорька, Анжела Сидорова и Марья Кузнецова, а также невеста, так и не ставшая женой, по неизвестной бабе Моте и компании причине – Кира Тощая. Номером пятым шёл бывший сокурсник Игоря Петровича Виктор Токарев, с которым у них вышла нехорошая история: кто у кого спёр диплом, так и осталось невыясненным. В результате оба писали дипломы по новым темам, что резко снизило их, так сказать, рейтинг. Номером шестым стал Александр Ветров, коллега по разработке сложной антивирусной программы: непонятно как так получилось, но каждый из них писал эту программу на разных языках программирования, из-за чего слить воедино написанное оказалось невозможным. Оба получили взыскания и потеряли весьма солидную сумму, которую им обещали заплатить.

И уж коли Муромцев приехал, то баба Мотя озвучила ему свои планы по созданию Добровольного Общества Сыщиков – помощников полиции. Лейтенант пообещал доложить об этой инициативе своему прямому командиру – удостоверения выдать будет можно только после того, как создание ДОС будет одобрено и официально зарегистрировано в полиции.

– А сейчас я доложу о списке подозреваемых и мы предпримем по каждому из них самую тщательную проверку.

– Поводы-то, – сказала баба Мотя, – не самые существенные, так что вряд ли среди них есть убийца. Но чем чёрт не шутит?

– Это с нашей точки зрения. А каждый конкретный человек вполне мог воспринять этот конфликт как крушение мировоззрения и своих грандиозных планов. А страсть искать виноватого в подобном крушении – вещь практически неистребимая.

– Ну что же, буду ждать тогда новостей. И о проверке, и о ДОСЕ. Хотелось бы услышать добрые вести.

Муромцев кивнул и отправился в отдел: докладывать новости. Оказалось, что список бабы Моти и компании практически полностью (кроме сокурсника) совпал с тем, который был составлен сыскарями. Вот только вместо сокурсника у них фигурировал друг Игоря Петровича, Юрий Афанасьев, с которым он не поделил невесту, так и не ставшую женой: до появления на горизонте этой пары Игоря они тоже собирались пожениться.

– Ну что же, поскольку подозреваемых шестеро, распределяем по двоих на каждого из нас и приступаем к визитам и опросам. А насчёт добровольных помощников – мысль интересная: люди, которым нечего делать, кроме как носки вязать, действительно могут помочь весьма основательно. Так что я к полковнику, а вы – по объектам.

Вернулись сыскари часа через три. И принесли в клювах доказательства виновности каждого из опрошенных. И клятвы их, что не убивали они никого. И вообще – у них алиби. Хотя какое алиби можно иметь на середину ночи, когда нормальные люди спят в собственных постелях – непонятно. Заявить, что они спали, просто обязаны все: невинные и виновные. А иначе – нонсенс. Разве только в ночном клубе зависнуть. Но ведь середина рабочей недели, так что пришлось бы выбирать: либо клуб, либо полноценный и результативный рабочий день.

– Хоть сначала начинай!

– Зачем сначала? Нам тут эксперт подкинул версию, что вколоть убитому могли яд обычной поганки.

– А к поганкам доступ есть практически у всех. Парков в Москве хватает, так что найти грибочки труда не составляет.

– А умение делать уколы?

– Зачем тут умение: не для лечения, для убийства кололи.

– Но кого мог Степанов так близко к себе подпустить и не возражать против укола в собственный череп?

– Вполне вероятно, что он в этот момент был в отключке.

– Пьян?

– Нет. Алкоголя в крови не найдено.

– Значит, отключили насильственно?

– Вероятнее всего. И ещё более вероятно, что неожиданно.

– Но ведь он, считается, сидел на лавочке в этот момент.

– Или проходил мимо неё. И был на скамейку усажен. А уж потом упал.

– Так обездвигить его мог кто угодно? Помимо подозреваемых?

– Вполне.

– Весело!

Сыщики впали в уныние, в отличие от бабы Моти: огромный жизненный опыт давно убедил её в том, что в любом деле следует искать женщину. Так что она была намерена лично побеседовать с каждой из подозреваемых.

Анжела Сидорова и Марья Кузнецова были навешены первыми – уж слишком давно всё происходило: редкая женщина стерпит почти десять лет, чтобы не отомстить неверному возлюбленному. Хотя было достоверно известно, что ни одну из них Игорёк не любил, ни с одной не встречался, а интересовался в то время исключительно компьютерами и приложениями к ним. Свара, тем не менее, была крутой и запомнилась многим.

Обе отрицали свою вину и доказывали, что не видели Степанова после школы никак иначе, кроме как на встречах одноклассников, да и те посещали через раз.

– А что ж ты не замужем до сих пор?

Сидорова объяснила это положение стремлением к карьере, другая – занятостью по бизнесу, причём она так часто моталась в разные страны, организуя новые маршруты, что на молодого человека просто не было времени и сил.

Осталась брошенная невеста. Или кто? Соперник? Или баба Мотя кого-то пропустила? А как та одноклассница, которая преподаёт математику в вузе? Как её? Кира Тоцкая. Вот кого пропустили. Баба Мотя отправилась к ней.

Кира Тоцкая была бы писанной красавицей, если бы не скошенный подбородок и вялый рот. А это, знала баба Мотя, доказывало полную безвольность и неспособность убивать.

Глава 5

Зоя Петрова, бывшая невеста друга Игоря Петровича, Юрия Афанасьева, была настоящей красавицей: соболиные брови, синие, как море в солнечный день, глаза, нежная, почти прозрачная кожа, мягкий овал лица, отличный рост, практически идеально стройная фигура, стильная одежда, изящные руки – глаз не оторвать. И голос: глубокий, упоительно низкий, временами с волнующей хрипотцой – под такой голос хорошо мечтать и засыпать. Ей бы детям сказки на ночь читать, а она вбивает в дубовые лбы студентов постулаты высшей математики.

Баба Мотя была в полном шоке: отказаться от такой красавицы? Этот Степанов что, в какой-то момент ума лишился? Или произошло нечто совершенно неординарное, из-за чего и произошёл разрыв?

И ещё проблема: при такой внешности и таких достижениях и таком статусе обладает ли Кира страстью мстить за подлости? И что именно она склонна квалифицировать как подлость?

С другой стороны, разрыв произошёл больше, чем три года назад. Стала ли бы Петрова выжидать три года, чтобы отомстить?

Трудно разговаривать с красавицей, уверенной в себе, но баба Мотя знала, что не существует в мире человека, уверенного в себе абсолютно. И у Зои был свой скелет в шкафу, важно было только правильно его назвать. Каким может быть скелет в шкафу красавицы? Её бросили.

– Так почему, Зоя Владимировна, вас бросил Афанасьев?

У Зои сбилось дыхание: она на эту тему не говорила никогда и ни с кем. Кому грубила, кого посылала в дальние края, кому просто говорила, что не хочет обсуждать эту тему. Но тут, видимо, сказать придётся.

– Это я его бросила. Он мне изменил.

Баба Мотя удивилась: чтобы изменить, нужно не любить по-настоящему. Возможно ли это? Возможно ли не любить Зою?

Оказалось – вполне. Оказалось, что ничего и никого, кроме своих компьютеров, Афанасьев не любил. Конечно, предложение Зое он сделал, но к этому привёл просто ход событий: если ты ухаживаешь за девушкой, которая тебя очень любит, то волей-неволей в какое-то мгновение делаешь предложение. А почему нет? Не на компьютере ведь жениться?

А случай измены был вызван точно таким же ходом событий: вечеринка, много алкоголя, девушка, оказавшаяся за столом на соседнем стуле, желание прикорннуть, потому что алкоголя выпито слишком много, потом, очнувшись, обнаруживаешь рядом с собой голую девицу и вуаля...

Как Петрова узнала об измене? А возлюбленный не пришёл, впервые, на свидание и она наведальась с утра к нему домой: не случилось ли с ним чего. И обнаружила на кровати два голых тела...

С тех пор всех без исключения мужчин Петрова держала на такой дистанции, что при первой же попытке ухаживаний мужчины понимали: время будет потрачено напрасно. И даже предложение руки и сердца положения дел не изменит.

Теперь бабе Моте предстояло решить: Петрова убила изменившего жениха или кто-то другой? И пришла к выводу, что другой: Петрова жила в такой крепости, что, если бы она совершила убийство, одна из стен этой крепости в данное мгновение была бы полностью обрушена. А всё было в целостности и сохранности.

Остаётся рассмотреть вторую брошенную (уже Степановым, отбившим эту девушку у Афанасьева) невесту – Киру Тоцкую.

Баба Мотя и компания узнали о Кире абсолютно всё: где родилась, кто родители, кто враги семьи и Киры в отдельности, где она училась, работала, почему стала именно математиком, что о ней думают друзья, соседи, знакомые и враги.. Кстати, если бы Кира знала, что о ней

думают четверо из каждых десяти, она бы этих четверых загнала за Можай. То есть исключила бы из собственной жизни на веки вечные.

Но вывод был однозначный: Кира тоже не убивала.

А кто?

Остались: сосед родителей Василий Серафимов, номер первый, к данному времени достигший в своём «хобби» того уровня, когда алкоголика считают добрым и уступчивым. Он такой и есть, пока дело не касается бутылки. А вот за бутылку он и убьёт, не задумавшись.

Номера три и четыре – бывшие одноклассницы, учинившие жестокое соревнование за внимание Игоря Анжела Сидорова и Марья Кузнецова, с трудом сообразили, о каком Степанове их спрашивают. Времени прошло около десяти лет, в их жизни появились другие Степановы, и среди них даже один тёзка. Так что они тоже отпадали.

Номер пятый в списке подозреваемых – бывший сокурсник Игоря Петровича Виктор Токарев о Степанове забыл практически полностью. Нет, то есть он вспомнил, когда ему указали, что речь идёт об однокласснике, но после школы он с ним не встречался. А неприятностей в жизни Токарева в прошедшие годы было столько, что детские шалости полностью выпали из его памяти. Не до Степанова было крутому бизнесмену.

Остался только номер шестой – Александр Ветров, коллега по разработке сложной антивирусной программы. Но у него было железное алиби – его с утра до ночи видели на профильном форуме, где обсуждались разные профессиональные проблемы. Ветров достиг очень больших высот и все те мелкие стычки с коллегой, которые стоили ему ведра крови год назад, остались в далёком прошлом.

Получилось, что они ошиблись в своих поисках? Все, кого подозревали, оказались девственно чисты и совершенно непричастны к убийству. Но ведь Степанов убит! Вряд ли человек сам себе сделает инъекцию яда прямо в мозг. Да и не умел убитый делать уколы – никакого отношения к медицине!

Баба Мотя, как и начальник сыскного отдела, созвала срочное совещание. Не может того быть, чтобы убийца не оставил совершенно никаких следов! Если учесть, что вкололи Степанову яд поганки – а этот грибочек растёт и в городских парках – то искать убийцу можно хоть сто лет. Но если компания не выяснит, кто убил, то о ДОСе можно забыть. Да и добровольно вести расследования уже будет просто стыдно.

– Начнём сначала, – заявила баба Мотя! – Поскольку каждого из списка мы проверили, нужно составить другой список, с другими именами подозреваемых. А чтобы его составить, пройдемся ещё раз по людям, с которыми мы беседовали в самом начале. Мы кого-то упустили! Причём вполне возможно, что мы с убийцей даже беседовали: они всегда крутятся на месте происшествия, чтобы быть в курсе расследования.

Глава 6

– Значит, так, – сказала баба Мотя. – Поскольку наш список оказался неудачным, нам придётся идти по второму кругу. Расспрашивать о ближайших родственниках и всех тех, кто наших фигурантов сильно любит или ненавидит. Кто хотел бы подставить их или за них отомстить. Иначе нам не найти убийцу. Дополнительно будем расспрашивать о людях с криминальными наклонностями, даже если те только однажды появились на орбите Степанова. Ищем дотошно, потому что если не найдём мы, то как только истекут сроки следствия, дело запишут в нераскрытые висяки и положат в архив. А это будет ужасный позор на наши седые головы и получения официальных удостоверений нам не видать, как собственных ушей. Всем всё понятно?

Компания дружно согласилась: так и будет!

– А тогда начинаем с родителей. Ведь именно от них он шёл к метро. Надо найти того, кто об этом визите знал. И не просто о факте того, что Степанов примерно раз в месяц родителей посещал, а именно о том, что он как раз в этот день к ним поехал. Кому-то же он об этом говорил? Коллегам, людям, которые приглашали его попить пива в баре, возможно, таксисту или попутчику в метро, если он ехал на метро...

– Он на машине приехал. Каршеринговой. То есть знали те, кому он именно об этом сообщил. А это, вероятнее всего, коллеги.

– Он мог и не сообщить никому. Просто кто-то мог случайно услышать разговор с представителем компании. Хотя в основном заказ делается на сайте или через приложение в смартфоне. Так что об этом заказе могли и не узнать. А о визите могли.

– Самого знания о визите к родителям явно мало. И о том, что Степанов пойдёт к метро – тоже. Должно было случиться что-то, что подвигло убийцу убить именно в этот день. Это как камешек в горах, вызвавший лавину. Но камешек должен был бросить именно Степанов. Так что он такого сделал? Мы обязательно должны это узнать! И зря не узнали перед первым кругом опросов: зря время потеряли.

И ещё: чего мы не выяснили, так это почему Степанов бросил перед самой свадьбой двух прекрасных девушек? Что должно было случиться, чтобы бросить невесту? И два раза! Факт мы установили, а причин не нашли. Но ведь если это можно понять один раз, то ведь два раза подряд – разве это не подозрительно? И, главное, девушки-то обе – красавицы! Так должна же быть причина, по которой он систематически расстаётся с невестами. Или не только с ними? Неужели до этого у Степанова не было никаких девушек? А если были, то почему он с ними так регулярно расстаётся? С ним что-то не так, или ему не везёт просто катастрофически?

Но на очень невезучего Степанов не больно-то похож.

Начать с того, что стоило ему устроиться на первую, после института, работу, как родители немедленно ему купили рядом с работой неплохую квартиру. Далеко не всем так везёт.

Во-вторых, он был вполне из себя видный мужчина и девушки должны бы, по идее, к нему просто липнуть: мало того, что москвич, с хорошей профессией, так ещё и с собственной квартирой. А он до тридцати дожил холостяком, и две попытки жениться закончились полным провалом. Вот не странно ли это?

В-третьих, с деньгами у него было очень и очень неплохо: хороший программист зарабатывать может не меньше министра. Степанов и зарабатывал.

И на фоне всего этого его постоянно бросают девушки и даже невесты. Не странно ли это? Надо найти, почему.

– И как мы это найдём?

– Надо начинать с родителей.

Баба Мотя сильно корила себя, что доверила разговор с родителями бабе Тоне. Самой надо было, самой!

– Так что вот, я пойду к родителям. А все вы по другим адресам. И допрашивать всех, как в гестапо – без милосердия и выпрашивать все детали и подробности.

Компания послушно разбрелась, с намерением добиться результата и узнать то, чего не удавалось выяснить даже полиции.

Каждая из компании была уверена, что догадка – вот она. Осталось протянуть руку и ухватить: не только имя, но и самого убийцу. Ну и, упаковать и сдать полиции вместе с пачкой доказательств.

Они были уверены в успехе.

Глава 7

Родители Степанова за прошедшие с дня похорон недели не оправились от потери. И было похоже, что и не оправятся.

– Расскажите мне о вашем сыне, – мягко попросила баба Мотя. – Всё расскажите...

Баба Мотя благоразумно опустила слово «убитом», потому что этим словом она бы вернула родителей к трагедии. И они бы снова начали плакать, вместо рассказывать то, что хотела узнать помощница полиции.

И родители начали наперегонки рассказывать о том, каким чудесным был их сын. Они начали прямо с раннего детства и тут баба Мотя очень удачно попросила показать фотографии.

Бережно листались страницы альбома и по каждой фотографии приводился подробный рассказ: где была сделана, в каких условиях, кто рядом с их Игорьком и что было потом.

Так они добрались до конца третьего альбома (хотя никаких новых сведений бабе Моте узнать так и не удалось) и тут, на последнем листе, оказалась фотография какой-то девчушки.

– А это кто?

– Это? А, это мы девочку из детдома взяли под негласную опеку. То есть мы хотели потом её удочерить, но она как-то слишком дикой оказалась.

– Это как понимать?

– А так и понимать. Мы её сначала брали просто в гости на выходные дни, раз в месяц. Игорёк тогда ещё с нами жил, заканчивал институт. Но мы уже собирались ему квартиру покупать, а остаться вдвоём не хотелось. Мы же понимали, что как только он от нас уедет, мы будем видеть его гораздо реже. У него своя жизнь начнётся, а то и женится, так что не до нас ему будет. Вот мы и решили ребёнка из детдома взять. Маленького мы не хотели, боялись, что сил не хватит его вырастить, а Ольге было уже девять лет. Так что вполне самостоятельный уже ребёнок. Вот мы её и взяли.

– А почему именно её?

– А она нам первой встретилась во дворе. А мы так и решили: кого первым увидим из детей, того и возьмём.

– И что дальше?

– Ну, стали мы её иногда забирать на выходные. Или в детдоме её навещали. А когда она у нас гостила, мы старались быть с ней поласковее. Сын ей все свои игрушки и книжки отдал. И вообще объяснил, что если она будет у нас жить постоянно, то его комната станет её комнатой.

– А Ольга что на это?

– Обрадовалась. Вы же знаете, что такое детдом: своим там дети могут назвать только несколько вещей, да и то на время. А всё остальное – общее. А тут сразу целая комната и все вещи.

– А какие у них были отношения с Игорем?

– Очень хорошие. Игорь Ольгу сильно жалел, всё время подарки ей покупал. Дружили они крепко. И мы даже временами думали, что надо было ему сестру или брата ещё родить. А мы что-то струсил, вот и рос он один. Друзья-товарищи это, конечно, хорошо, а родная душа – лучше. Так что он Ольгу как сестричку младшую принял. Да и как иначе: разница между ними больше десяти лет. Её десять, а ему уже полных двадцать два.

– А когда он переехал, вы её в его комнате поселили?

– Почти. То есть комната была отдана ей, но она окончательно не переселилась. Ссылались на то, что ей нужно школу закончить, а отсюда далеко по утрам ходить. А менять школу не захотела. Так что только в субботу и приходила. А в воскресенье вечером уезжала обратно в детдом.

– Так вы её удочерили?

– Нет. Даже не стали опекунами.

– А почему?

– А она не захотела. Сказала, что, когда школу закончит и переедет к нам, тогда мы её сразу и удочерим. Чтобы с бумагами не возиться.

Баба Мотя давно уже видела, что с этой Ольгой что-то не так, но не могла понять, что именно.

– А сейчас она вас навещает? Уж коль такие хорошие отношения, так ей бы возле вас дневать и ночевать...

– А она даже на похороны не явилась. И не звонила ни разу.

– Может быть, не знает ничего?

– Знает. Мы в детдом звонили, просили передать.

– И что?

Мать Игоря только плечами пожала: понятия не имею. Нет Ольги и за последние недели ни разу не объявлялась.

Ну надо же, как странно! И баба Мотя постановила: следующим пунктом для посещения определить детдом. Выяснила, где он, кого там как зовут из руководства и пообещала, что как только разузнает что-то про Ольгу, так сразу горяющим о сыне родителям и позвонит.

На том и распрощались.

Глава 8

Директор детдома Алевтина Петровна Кузьмина испытала настоящий шок, когда услышала вопрос бабы Моти:

– А Ольгу Фёдорову увидеть можно?

Этот шок был таким глубоким и непередаваемым, что баба Мотя поняла: дело неладно.

– Её нет здесь, что ли?

Директор очнулась и помотала головой – нет.

– А где она может быть?

– У опекунов.

– Там её не было уже две недели. А за это время у них убили сына. Как же так?

– Так мы ей передали, что Игорь погиб и она ушла к ним.

– Но не дошла.

– Значит, пропала. Надо в розыск подавать!

– Надо, надо. Давно пора!

А Ольга в данную минуту была очень далеко от Москвы. Она давно готовила этот побег: запаслась всем, что может понадобиться человеку, который собрался жить некоторое время в лесу – от соли и спичек до брезента, целлофана и необходимых инструментов.

Рюкзак она прятала в лесу, как раз там, где железнодорожная колея изгибалась так круто, что составы, пассажирские и грузовые, тащились со скоростью пешехода. И сесть на любой из них труд не составляло.

Когда всё было готово, Ольга воспользовалась звонком и приступила к побегу. Было очень кстати, что в детдоме некоторое время будут уверены, что она у Степановых, а Степановы обидятся на неё за то, что она так и не пришла. И недели две (Ольга и по месяцу у опекунов жила) самое малое, её никто не хватится.

Ольга высмотрела состав, в котором несколько платформ были заняты автопогрузчиками. Забраться в кабину одного из них для неё труда не составило. И до места, где будет такое же замедление движения Ольга намеревалась путешествовать так долго, как только будет возможно.

Сошла она, то есть спрыгнула, на восьмой день: состав явно шёл аж на Дальний Восток. Углубилась в лес, по едва заметной тропинке ушла подальше. Тропинка довела её до охотничьего домика и устроилась, как будто собиралась жить здесь ближайшее столетие. Хотя сколько она тут проживёт – неизвестно.

Знал бы кто, чем бы вызван этот побег!

Ольга влюбилась в Игоря прямо сразу же, с первого взгляда. Хотя ей было всего десять. А кто сказал, что дети не влюбляются?

Доброе отношение к себе в доме опекунов Ольга воспринимала только в одном смысле: ей отвечают взаимностью. Хотя до открытия чувств Ольге следует подождать хотя бы до шестнадцати. Раньше её родители Игоря просто не поймут.

А потом началось: у Игоря завелась девушка. Потом другая. Потом следующая. А потом он отбил у приятеля невесту. И собрался жениться.

Если Ольга и раньше весьма активно, хотя и тайно, участвовала во всех сердечных делах Игоря, рассказывая каждой следующей девушке, что он извращенец, что он с ней, своей сестрой, спит уже пять лет, так что девушке лучше вовремя сделать ноги, а то кончится тем, что будут изнасилованы будущие дети...

Девушки рвали с Игорем резко и безвозвратно, ничем этого разрыва не объясняя: зря, что ли, Ольга умоляла каждую ничего ему не рассказывать, чтобы Игорь её, Ольгу, не изнасиловал снова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.